

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович / Vitaly LEKHTSIER

Россия, Самара.
Самарский государственный университет.
Кафедра философии гуманитарных факультетов.
Доктор философских наук, профессор.

Russia, Samara.
Prof. Hab. in Philosophy, Samara State University.
Department of Philosophy, Faculty of Arts and Humanities.

lekhtsiervitaly@mail.ru

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ И АКТУАЛЬНОСТЬ НАРРАТИВНОГО РАЗУМА

В эссе предлагается краткое введение в нарративистскую проблематику, сообщается о том, как и почему в гуманитарных науках появляется метафорическое понятие нарративного поворота, тематизируется методологический статус этого понятия. Кроме того формулируются ключевые общие идеи и интуиции, актуальные для дисциплинарных исследований в контексте нарративного поворота, в том числе в его отношении к иконическому повороту, также предлагается открытое понятие нарратива.

Ключевые слова: нарративный поворот, нарративный разум, автонарратив, рассказ, опыт, культура

Narrative Turn and the Actuality of the Narrative Mind

The essay provides a short introduction to narrativist problems, informs the reader about how and why the metaphorical notion of narrative turn appears in the humanities, and thematizes the methodological status of this concept. Additionally, key general ideas and intuitions, relevant to disciplinary research in the context of the narrative turn, including its relationship to the iconic turn, are specified. Moreover, an open concept of narrative is put forward.

Key words: narrative turn, narrative mind, auto-narrative, story, experience, culture

Сопределенной степенью уверенности можно заключить, что первым метафорическое словосочетание «нарративный поворот» (или «нарративистский поворот») относительно недавно, в 1992 г., произнес канадский лингвист и теоретик литературы Мартин Крейсмор в статье *Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences*. В статье он говорит о том, что нарратив — это область кросс-дисциплинарных взаимодействий и медиаций, и собирает воедино все, что имеет отношение к нарративу в самых разных науках (филологии, историографии, психоанализе, философии, экономике и т. д.), рассматривает его одновременно как предмет (форму письменного или устного дискурса) и как инструмент познания (например, нарративистское прочтение некоторых философских теорий), описывает сложную конфигурацию нарративного поворота, включающую множество «разнообразных троп»¹. Здесь приводится большой диапазон ключевых имен от Фрейда и французских нарратологов до Лиотара, Макинтайра и Джеймисона, а также десятки систематических работ 1980-х годов, специально посвященных роли нарратива в науке, литературе,

культуре в целом. Большинство этих имен уже прочно закрепились в обзорной и справочной литературе по нарративистике, нет нужды их здесь повторять. То есть мы видим, что как и целый ряд других провозглашенных «поворотов» в гуманитарных науках за последние полстолетия, понятие нарративного поворота носит постфактумный, констатирующий характер, фиксирует уже сложившуюся к этому моменту методологическую конфигурацию исследовательских и — о чем скажем чуть позже — культурных практик.

Метафора поворота, реализуя архаический нарратив пути применительно к развитию знания, по своему концептуальному статусу располагает довольно близко к куновской (тоже метафорической) модели развития науки посредством парадигмальных революций, поскольку имеет в виду поворот исключительно в контекстуальном смысле, то есть относительно привычных забот «нормальной науки». Еще ближе она находится к лакатосовской идее конкуренции научно-исследовательских программ, поскольку брендинг нового научного направления в качестве «поворота» обеспечивает ему неплохие шансы в том трансцендентальном полемосе, в который волей-неволей втянуто институционально оформленное научное мышление.

¹ *Kreiswirth M. Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23. № 3. History, Politics, and Culture. P. 630.*

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович / Vitaly LEKHTSIER

| Нарративный поворот и актуальность нарративного разума |

Неслучайно за несколько лет до появления искомого понятия американский профессор, эксперт в области риторики и политических коммуникаций Вальтер Фишер под влиянием, в том числе, работ Макинтайра предложил термин «нарративная парадигма». Он пояснил, что имеет в виду не ту или иную дисциплинарную парадигму, например, социологическую, а как бы «метaparadигму» как пограничную область, в которой встречаются различные гуманитарные науки. Тем самым он нисколько не стремится отрицать «существование или желательность существования частных жанров дискурса... Нарративная парадигма не отрицает полезность осознания различий между макроформами дискурса — философией, риторикой, поэтикой и т. д. — или микроформами дискурса — мифами, метафорами, аргументами и т. д.»². Вместе с тем очевидно, что Фишер перевел понятие парадигмы из плоскости методологии науки в плоскость практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих к тому же явные антропологические импликации³, в плоскость фронезиса, помогающего, в итоге, принимать правильные решения. Нарративная парадигма, с его точки зрения, основана на т. н. *нарративной рациональности*, по контрасту с ковенциональной моделью формальной рациональности, которая, как предполагается, должна управлять человеческим общением. Нарративная рациональность, по Фишеру, включает *нарративную вероятность* (согласованность и связность истории) и *нарративную верность* (наличие в рассказе *good reasons* для доверия к нему, то есть «веских причин» или «достаточных оснований»). Эти фишеровские неформально-логические характеристики нарратива можно смело добавлять к многочисленным дискуссионным критериям нарратива, которые ведут представители классической нарратологии.

К 70-м годам прошлого века многими гуманитарными науками, постоянно имеющими дело с нарративами, прежде всего как объектами исследования, почти внезапно была осознана судьбоносная неслучайность данного обстоятельства. Более того, сопряженная с новыми философскими концепциями, она стала восприниматься именно как новая парадигмальная возможность. Хорошо об этом методологическом открытии написали Линда Гарро и Черил Маттингли в отношении антропологии. Антропологи привыкли к анализу устных историй как обычной части их культурных исследований. Они изучают мифы, сказки, пословицы, индивидуальные биографии. Поэтому «интерес к нарративу нельзя назвать новым, но то, что характеризует последнюю волну внимания среди широкого круга исследователей, — это выраженное намерение воспринимать истории всерьез... В рамках изучения нарратива антропологи ввели конструкты, почерпнутые ими из ряда дисциплин — лингвистики, литературоведения, истории, когнитивной психологии, философии — для того, чтобы изучить отношения между нарративной формой и нарративным содержанием, между индивидуальной историей личного опыта и культурным

знанием, или нарративом как коммуникативным актом»⁴. Началась полноценная онтологическая, методологическая, трансдисциплинарная рефлексия нарратива, поляризация точек зрения на познавательный потенциал нарратива, его конструктивную природу, его отношение к опыту, к культурным (структурным) матрицам и живым коммуникативным ситуациям.

Отмечу только три важных момента, которые должны, на мой взгляд, иметься в виду представителями различных наук, работающих в области актуальных нарративистских исследований, будь то в области нарративной социологии, экономики, психологии, медицины или где-либо еще.

1. При всех спорных точках зрения на эпистемологические ресурсы нарративного подхода, на репрезентативные возможности того или иного нарратива — а мы знаем, что большой скепсис в отношении этих возможностей, в частности, по проблеме биографических нарративов, выражали даже такие крупнейшие социологи, как Пьер Бурдьё — есть некоторые исходные концептуальные интуиции, которые вряд ли кто будет оспаривать. Разумеется, можно и нужно и дальше доказывать, что даже если мы со всей радикальностью и однозначностью признаем, что нарратив — это не репрезентация, а конструкция, то от этого «разоблачения» нарративистское видение человеческого опыта нисколько не потеряет, как считал Бурдьё, а только выиграет. Выиграет и в эпистемологическом плане, поскольку любая конструкция все равно есть репрезентация на другом уровне, на уровне предъявления всевозможных механизмов, феноменов и ситуаций конструирования, — и в плане практического эффекта от полученного знания, что особенно значимо, например, в нарративной медицине или психологии. Разумеется, нужно и дальше доказывать сложное переплетение переживания и рассказа о нем, как полагает, например, другой выдающийся социолог Зигмунд Бауман, индивидуального и коллективного опыта в нарративе, денотативного и коннотативного измерений рассказа, его структурности и перформативности. Более того будет весьма справедливым вслед за Маттингли и Гарро заключить, что «существует не один-единственный нарративный поворот, а несколько возможных поворотов. Некоторые из них поощряют развитие нарративной теории, доходя до предложения новых способов концептуализации и расширения нарративного анализа, в то время как другие стремятся сдержать и ограничить нарратив, указывая на другие пути»⁵.

Но все же есть нечто базовое, нечто, с чем согласятся любые критики нарративизма и тем более сторонники той или иной версии нарративного поворота. Лучше всего эту базовую антропологическую идею выразил Аласдер Макинтайр в начале 1980-х годов: «человек в своих действиях, на практике и в своих вымыслах представляет животное, которое повествует истории»⁶. Причем идея эта, несмотря на весь кажущийся

² Fisher W. R. The Narrative Paradigm: An elaboration // Communication Monographs. 1985. Vol 52. № 4. P. 347.

³ О чем говорит в частности введенное Фишером понятие Homo narrans, — Fisher, W. R. Narration as Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument // Communication Monographs. 1984. Vol 51. P. 1–22.

⁴ Mattingly, Ch., C. Garo, L. Narrative as Construct and Construction // Cultural Construction of Illness and Healing / edited by Cheril Mattingly and Linda C. Garo. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 4–5.

⁵ Маттингли Ч., Гарро Л. Нарративные повороты // Общество ре-миссии: на пути к нарративной медицине: сб. науч. тр. под общ. ред. В. Л. Лехциера. Самара: Самарский университет. 2012. С. 277.

⁶ Макинтайр, А. После добродетели. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 291–292.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович / Vitaly LEKHTSIER

| Нарративный поворот и актуальность нарративного разума |

метафизический характер ее формулировки, вполне эмпирична, постметафизична, даже у Макинтайра она родилась на основе целого ряда наблюдений, не говоря уже об огромном накопленном опыте целого ряда эмпирических наук о человеке. Неслучайно она оказалась легко конвертируема в конкретные и критически отрефлексированные научные методы исследований, предметом которых в последние два десятилетия стала нарративная основа человеческой самости, культуры, истории, политики, сообществ и самых разнообразных форм человеческого опыта.

2. Принятые в нарратологии ограничения понятия нарратива при сверке с опытом оказываются не совсем релевантны. Событийность, завершенность, темпоральность (историйность), изменчивость объекта повествования, хронологическая последовательность истории, причинно-следственная связь событий, то есть наличие логики *вследствие чего-либо*, а не просто *после чего-либо* (различие еще Аристотеля⁷), непрерывность событийного ряда и т. д. — все эти признаки, действительно, отчетливо характеризуют нарратив, но не являются необходимыми и обязательными, кроме, может быть, фигуры *темпорализации*. Действительно, функция установления причинно-следственной связи — важнейшая для нарративного разума, что мы хорошо знаем по собственному опыту, когда пытаемся разобраться в том, что с нами произошло, или о чем пишет, например, Рита Шэрон применительно к дифференциальной диагностике в медицине, требующей от врача определенной способности к *сюжетизации* (narrative emplotment), связыванию симптомов и их причин, «дара сюжета» (*gift of plot*)⁸. Но в то же время возможны монтажные, рваные нарративы, хаотические истории, кумулятивные повествования. Поэтому рисковно предложить *открытое* понятие нарратива, сформулированное в духе открытого понятия искусства, которое когда-то ввел Владислав Татаркевич: нарратив — *это рассказ кого-то, адресованный кому-то о ком-то или о том, что что-то произошло или не произошло, происходит или не случится*. Кроме того это всегда рассказ *зачем-то*⁹. То есть рассказ intersubъективен (...кому-то), интенционален (...о чем-то;) и аксиологичен (...зачем-то). Последние две структуры связаны особенно тесно. Поскольку не события делают мой рассказ рассказом, а мой рассказ делает событие событием. Для нарративного разума случилось именно то, о чем я рассказываю, а не наоборот. Но это всегда также означает, что рассказ автоматически наделяет онтологической и аксиологической значимостью то, о чем повествует, даже если на первый взгляд в рассказе ничего не происходит. Рассказывая о чем-то, рассказ всегда рассказывает и том, что это *что-то* важно. Рассказ есть настоящая аксиологическая машина, повсеместно и непрерывно работающая в культуре и производящая значимую реальность. Замечу, что такова структура рассказа *a priori*, что же касается

его конкретного коммуникативного бытования, то он вполне может и не состояться в качестве «эффективной истории».

3. Нарративный поворот, конечно, не эффект хитрого самоменеджмента научных теорий, не результат чьего-либо коварного умысла или просто методологического произвола. Он вызван всем состоянием культуры новейшего времени. Подобное можно сказать и о другом знаковом научном повороте — *иконическом*. И тот, и другой, как и полагается в чуткой и ответственной гуманитарной науке, вызван изменениями, происшедшими и продолжающимися происходить в самой нашей повседневной жизни. Эпоха массового тиражирования визуальных образов, абсолютной демократизации их производства и потребления, их влияния на самые разные сферы индивидуальной жизни сродни невероятной демократизации нарративов, заполнения повседневного культурного контента, прежде всего медийного, индивидуальными повествованиями, в том числе бесчисленными автонарративами. Нарративный разум, о котором писал Ортега-и-Гассет в работе «История как система» еще в 1955-ом году — как о разуме, наиболее адекватном гуманитарным наукам, поскольку они заняты постижением изменчивого и свободного человеческого существования, в нынешнюю эпоху, в эпоху после распада больших нарративов, превратился в безразмерную и неконтролируемую массу микронарративов, пролиферация которых идет тем быстрее, чем больше появляется для этих целей подручных, технических средств. Эпоха «экстаза рассказа» (очень точный диагноз текущей современности от Жана Бодрийера) выработала свой практический кодекс, моральный императив — *расскажи свою историю!* — императив, который когда-то у Фрейда имел исключительно методический = терапевтический смысл, но потом вышел за пределы психоаналитических кабинетов и стал достоянием обширных повседневных практик. Этот императив породил и новый механизм онтологической легитимации для современного человека, он же и коммуникативный механизм: ты есть, пока рассказываешь историю, пока тебя хотят слушать. *Narrato, ergo sum, повествую, следовательно есть. Признание* в смысле рассказа о самом себе стало основой социального признания, признанности со стороны Другого.

Экстаз рассказа происходит по ту сторону надуманного конфликта слова и визуального образа за влияние, по ту сторону наивной методологической конкуренции лингвистического и иконического поворотов. Фредрик Джеймисон писал, что клипированная визуализация новейшей культуры убила нарратив как черту, свойственную периоду органических обществ, периоду раннего капитализма. Но мы видим, что нарративность современного кинематографа ничуть не меньше, чем в период расцвета классического европейского романа. И мы видим расцвет микронарративов, бум рассказов о самом себе. Мы понимаем, что рассказывать истории можно и при помощи визуальных образов, что всегда и происходило, начиная от сплошь нарративной готической живописи XII–XIII веков, изображающей жития святых, до массовой культуры «немых комиксов», сторителлинга в картинках. Фотографический рассказ о путешествиях, о личной жизни, о работе и отдыхе — львиная доля нарративного контента в повседневной визуальной культуре. Однако все же следует уточнить, что визуальное повествование возможно, только потому что мы можем его

⁷ Аристотель. Поэтика. М.: Государственное изд-во Художественной литературы, 1957. 1452а, 20.

⁸ Charon, R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. New York: Oxford University Press, 2006. P. 50.

⁹ Подробней об этом в моей статье «Экстаз рассказа: о судьбах повествований до и после иконического поворота» // Цирк Олимп+TV, № 1 (34). <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/117/ekstaz-rasskaza-o-sudbakh-povestvovaniy-do-i-posle-ikonicheskogo-povorota>.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЛЕХЦИЕР Виталий Леонидович / Vitaly LEKHTSIER

| Нарративный поворот и актуальность нарративного разума |

рассказать словами, произнести, хотя бы про себя. Причем, обратная логика совсем не требуется. Я не буду делать из данного факта универсальных выводов относительно принципиального соотношения слова и картинки, но именно в плане нарратива *фундирующая* роль платоновского простого вербального *диегезиса* по отношению к визуальному *мимезису* вполне очевидна.

При всей научной актуальности и перспективности исследований в контексте нарративного поворота мы должны также помнить, что, в частности, обращение к *личным исто-*

риям — это еще и максимально гуманизированный научный дискурс. Что в медицине, что в социологии или исторической науке личная история — это не только *живая* история, это не только гуманистический путь к public history, например, это еще и особая этика, опыт выслушивания частного лица, затерянного на безличных исторических просторах, это способ, каким это частное лицо может быть узнано, признано, может, наконец, найти отклик на свой голос и свое одинокое существование.

